

Немирович-Данченко Василий Иванович

Контрабандисты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Контрабандисты / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 207 с.

ISBN 978-5-519-99062-2

ISBN 978-5-519-99062-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своихъ повелителяхъ—Рессесвинтъ, Вамбъ, Леовегильдъ; часто по почамъ они уходили вмѣстѣ на скалистые обрывы Тахо и тамъ прислушивались къ меланхолическому говору рѣки, къ свисту вѣтра среди утесовъ и къ пѣжбымъ, едва-едва доносившимся издали напѣвамъ струнъ...

Разъ утромъ «русскій другъ» только-что подошелъ къ соборной паперти, какъ Пако, ревниво слѣдившій за нимъ встрѣтилъ его строгимъ вопросомъ:

— А на колокольню?..

— На какую?

— Нашу!—и онъ показалъ скрюченнымъ и мозолистымъ пальцемъ на чудную башню собора.

— Вотъ еще!. Чего я тамъ не видѣлъ?.. Я усталъ сегодня...

— Невозможно не идти!—съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ нищій.—Невозможно. Всѣ теперь ходятъ, всѣ удивляются... Стоить заговорить нашему главному колоколу (хоть онъ и треснулъ),—земля тотчасъ же при-
таится, сердца молятся и благословляютъ небо!

Должно быть, въ жилахъ у Пако текла добрая доля арабской крови: иначе откуда бы онъ взялъ эту образность языка?

— Я пойду завтра!—успокаивалъ его донъ-Андрео.

— Никакъ нельзя завтра!

— Почему?

— Потому что завтра вы пойдете смотрѣть процессію изъ церкви «de los reyes» (королей), слушать мессу въ «Santa María» и мало ли что еще... Идите сейчасъ!

— Да почему же раньше вы меня не гнали туда?—удивился русскій.—Что за надобность именно теперь?

— Раньше?..—И Пако хитро улыбнулся.—Раньше... А развѣ раньше была тамъ Долоресъ?.. Наша Долоресъ?..

— Это еще что за Долоресъ?

Но Пако, уже не объясняя ни слова болѣе, поманилъ къ себѣ оборваннаго малаго.

— Франсиско, покажи-ка вотъ этому amigo, какъ пройти въ колокольню!

Донъ-Андрео не безъ неудовольствія подчинился. Еще бы! Онъ всталъ рано, вмѣстѣ съ солнцемъ; бродилъ нѣсколько часовъ по толедскимъ улицамъ, похожимъ на высохшіе горные потоки, и теперь вмѣсто того, чтобы мирно сидѣть въ тѣни, любясь эффектами солнечнаго свѣта на мраморныхъ кружевахъ собора, изволь подыматься на триста двадцать пять футовъ вверхъ... Но... не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ всѣ эти мысли, точно испугнутые воробьи съ нивы, разомъ отлетѣли отъ него прочь.

Въ колокольнѣ ниша, въ ней густился мракъ, и чуть-чуть намѣчивались ступени лѣстницы. У этой ниши, вся на свѣту, стояла теперь дѣвушка, и, что разомъ очаровало сеньора Андрео, это ея андалузскій костюмъ.

Она, точно не замѣчая вызваннаго ею восторга, враждебно встрѣтила оборванца, провожавшаго русскаго.

— Тебѣ что здѣсь надо? Пошелъ, пошелъ!..

— Я привелъ сеньора-кавалъера!

— Сеньоръ и безъ тебя нашелъ бы дорогу!

Франсиско было запротестовалъ, но фея колокольни мгновеннымъ движеніемъ поги швырнула въ него башмакъ съ такою мѣткостью, что онъ временно закрылъ отъ «амиго-руссо» лицо бѣднаго малаго.

— Пойдите, я ему дамъ реалъ!

— Совершенно напрасно!

— Какъ напрасно, когда меня Пако послалъ?—вступился тотъ въ свои права.

— Ты поросенокъ, а Пако только старше тебя, вотъ и вся разпица между вами!

И Долоресъ,—такъ именно ее звали,—торжественно повела русскаго на верхъ.

Тому, кто не любитъ воздухоплаванія, нельзя совѣтовать подниматься на эту башню, стоящую вполне своего собора. Стѣны ея толще крѣпостныхъ. Это какая-то египетская кладка. Колокольня состоитъ изъ трехъ колоссальныхъ главныхъ отдѣловъ. Въ первомъ, четырехугольномъ, утвержденномъ на массивномъ подножіи, въ свою

очередь пять этажей, сплошь прикрытых маленькими и тонкими колоннами, арками, за которыми видны чудные асулехо—эти удивительные изразцы, тайну которых арабы передали испанцамъ. Подъ яркимъ свѣтомъ толедскаго солнца они горятъ такою живою эмалью, что отъ нихъ нельзя отвести глазъ! Только послѣдній изъ этихъ этажей, теряющихся въ высотѣ—ажурный, сквозной. Полувоздушный, легкій, какъ паутина, будто сотканный изъ облаковъ, онъ весь обставленъ бѣло-мраморными статуями, изящно рисующимися въ голубыхъ просвѣтахъ его амбразуръ. Тутъ висятъ колокола, «отъ неба говорящіе землѣ», по испанскому повѣрью. Главный изъ нихъ представляетъ тяжесть въ 18,600 килограммовъ. Чтобы изобразить очевиднѣе его размѣры, толедане говорятъ, что подъ нимъ могутъ работать вполне удобно шесть башмачниковъ и одинъ портной. Они же увѣряютъ, будто звонъ его слышенъ въ Мадридѣ.

Второй отдѣлъ колокольни, восьмиугольный, обвитый кружевами красивыхъ балконовъ, съ двойными готическими окнами по каждую свою сторону. Надъ этимъ великолѣпная пирамида въ сводахъ и рѣзбѣ, заканчивающаяся уходящимъ въ головокружительную высоту шпилемъ.

Долоресъ бѣжала съ быстротой горной серны.—Андрео любовался гибкостью ея стана, стройностью движеній, крошечными ножками, достойными высокой славы, которую въ этомъ отношеніи пользуются кастильскія дѣвушки.

— Вы не устали?—оглянулась она.

— Право, не знаю. Предо мною такая красота...—началъ было онъ.

— Видъ, сеньоръ, будетъ на верху!

— Я доволенъ и этимъ!

Долоресъ покраснѣла и подняла брови.

— Французы постоянно говорятъ глупости!

— Я не французъ, но при такихъ условіяхъ и русскіе не далеко ушли отъ нихъ!

Долоресъ, уже не удерживая хохота, постаралась взбѣ-

жаты на балконъ, откуда открылся дѣйствительно такой чудный видъ, что если бы всѣ красавицы обѣихъ Кастилій и Леона собрались нарочно на колокольню, ихъ можно было бы позабыть для этой картины.

Внизу—море мавританскихъ башенъ и готическихъ колоколенъ, стройныхъ, величавыхъ и изящныхъ въ одно и то же время. Весь Толедо, съ безчисленными дворцами, замками, церквями, покорно стлался у ногъ Андрео, на скалѣ, изъ которой выросъ этотъ странный, единственный въ мірѣ городъ. На высотѣ плавала только грандіозная масса Алькасара императора Карла V. Вотъ, точно открытая ладонь,—Сокодаверъ. Узкія щели улицъ перепутались будто черная, покрывающая Толедо паутина. Тишина кругомъ. Только и слышны музыкальный свистъ вѣтра въ амбразурахъ колокольни, да тихая пѣсня Долоресъ, которая, опершись о стѣпу, нетерпѣливо ждетъ, когда этому восхищенному чужеземцу надобѣтъ, наконецъ, любоваться приглядѣвшимся ей зрѣлищемъ стараго города. Въ отвѣсныхъ стѣнахъ изогнулся подковою Тахо, а дальше цѣлое море горъ и долинъ. Особенную прелесть всему здѣсь придавалъ необыкновенный колоритъ, который солнце и вѣка наложили на памятники Толедо. Самая суровость его, такъ зловѣще подавляющая на улицахъ, на этой высотѣ исчезала, оставляя одно величіе.

— Можно подняться еще выше? — спросилъ русскій.

— Нельзя, сеньоръ. Запрещено!

— Почему?

— Потому что у каждого тамъ...—подняла Долоресъ свою маленькую головку съ газельими глазками,—точно отростаютъ крылья. Такъ и чувствуешь желаніе полетѣть!

— Развѣ случались такіе примѣры?

— Я не считаю англичанъ. Они ничего лучшаго придумать не могутъ. Дядя мнѣ рассказывалъ, что когда всѣ лазили туда, каждую недѣлю случалось несчастіе. Тянетъ внизъ.

— А васъ не тянетъ?

— О, я росла и живу въ Рондѣ... А нашъ городъ

стоитъ надъ бездною... Всѣ его балконы висятъ надъ нею. Я ребенкомъ забавлялась тѣмъ, что перелѣзала черезъ перила балконовъ и сидѣла тамъ, опустила ноги внизъ...

— Надъ такою пропастью?..—отступилъ невольно русскій назадъ, смѣривъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ земли.

— Та, наша, въ Рондѣ—во сто разъ больше... Вотъ видите внизу площадь?

Онъ взглянулъ по указанному ею направленію. Тамъ кипѣлъ точно муравейникъ. Только вглядываясь пристально, можно было разобрать въ немъ что-нибудь... Кастильскія телѣги съ tinajas (горшками) масла, ослы съ вьюками, погонщики, сидѣвшіе въ кружкѣ за неизбѣжными картами, продавщицы воды подъ громадными зонтиками, благополучные дошъ-Базиліо въ ихъ классическихъ шляпахъ...

— У насъ, въ Рондѣ, вы ничего бы этого не видѣли внизу...

— А здѣсь вы давно?

— Я пріѣхала къ дядѣ... Онъ сторожъ этой башни. Здѣсь тихо, ну, а у насъ въ Рондѣ теперь покою нѣтъ!

— Отъ повіо *)?

— О, у меня еще нѣтъ такихъ!—улыбнулась она.— Насъ донимаютъ доганьеры!

— Таможенныя?

— Да!

— А вамъ-то что до нихъ?

Она подняла на него недоумѣвающіе глаза.

— Какъ что? Когда весь нашъ родъ испоконъ вѣку занимался и занимается контрабандой. Мы ею кормимся. Это нашъ хлѣбъ. Какъ что, когда намъ не даютъ зарабатывать его?... Ну, да—muchachos (мучачо—молодецъ) изъ Ронды не принадлежатъ къ «варенымъ» **)... У насъ

*) Novio, или Novia влюбленный или влюбленная. Novio — пользуется правомъ приходить каждый вечеръ подъ балконъ или подъ окно своей новіи и бесѣдовать съ ней до разсвѣта. Онъ ея защитникъ. Ихъ цѣломудренныя отношенія часто оканчиваются свадьбой.

**) Трусовъ, нерфинительныхъ, слабыхъ называютъ въ Андалузіи—вареными. Въ противоположность имъ, храбрые и сильные молодцы именуются сырыми—сигио.

они «очень сырые». Они покажутъ себя... У насъ...— вдругъ довърчиво наклонилась Долоресъ къ русскому,—
У насъ даже женщины дерутся пожами... Теперь что! Теперь все измельчало... А прежде дѣвушка изъ Ропды умѣла такъ заколдовывать всѣ пути къ нашему старому городу, что солдаты и таможенные падали въ бездны,— имъ чудилось, что Ропда стоитъ именно на этихъ провалахъ...

— И вы этому вѣрите, Долоресъ?

— Какъ же мнѣ не вѣрить, когда, напримѣръ, моя собственная бабушка цѣлые годы бѣгала, обращенная одною гитаной (цыганкой), въ кошку!

Русскій невольно отступилъ и преклонился предъ такимъ семейнымъ доказательствомъ; когда ближайшая родня является подобнымъ аргументомъ,—спорить бесполезно.

— И вы, Долоресъ,—улыбнулся онъ,—умѣете владѣть навахой (пожомъ)?

— Я?... Я уже отиѣтила одного... черезъ щеку. Еще бы!

И ея большіе и пылающіе глаза вдругъ разгорѣлись такимъ пожаромъ гнѣва и ненависти, что ея собесѣдникъ невольно вздрогнулъ.

— Однако... Съ вами шутки плохія!

— Еще бы!.. Мы въ Андалузіи — не плачемъ и не жалуемся!

И она такъ же легко, какъ всходила, сбѣжала внизъ, гдѣ уже ждалъ Андрео ея дядя. Къ счастью, онъ оказался знакомымъ русскаго, и Долоресъ изумилась, увидавъ, какъ они сердечно встрѣтились...

— Это нашъ другъ! — отрекомендовалъ его старый сторожъ соборной башни.— Это тотъ самый «amigo-ruso», о которомъ я столько разъ рассказывалъ тебѣ!

Долоресъ вспыхнула, исчезла на минуту въ стѣнѣ, точно какимъ-то чудомъ, и тотчасъ же опять показалась въ ней со стаканомъ вина. Подавая его новому пріятелю, она отпила сама сначала и, вся пылая заревомъ смущенія и любопытства, ожидала, что онъ сдѣлаетъ. Amigo-ruso настолько былъ посвященъ въ мѣстные обычаи, что по-

вернулъ стаканъ тѣмъ мѣстомъ, съ котораго пила она, и коснулся его губами. Долоресъ благодарно улыбнулась ему и подала чужеземцу руку. Тотъ удержалъ ее въ своей чаше мгновенье. Старикъ сторожъ засмѣялся..

— Чѣго ты?—обернулась къ нему племянница.

— Какъ чего? Вотъ, ты говорила, что у тебя нѣтъ новіо.. Поздравляю съ нимъ!

Долоресъ взглянула прямо къ глаза Андрео.

— Развѣ это новіо?

— Что же, онъ молодъ и красивъ,—разсуждалъ старикъ, точно самый предметъ этого разговора былъ далеко отсюда.—Развѣ ты не хотѣла бы такого?

— Я?—потупилась Долоресъ.—Я... я... нѣтъ, отчего же... Но... Хорошъ новіо! — вдругъ горячо заговорила она.—Хорошъ новіо! Я черезъ недѣлю уѣду въ Ронду, а онъ... онъ или здѣсь останется, или исчезнетъ, Богъ знаетъ куда... откуда пріѣзжаютъ такіе, и гдѣ у нихъ есть свои новіи!.. Блѣдныя, какъ осеннее небо, и холодныя, какъ вода горнаго ключа...

Амиго-руссо вдругъ почувствовалъ что-то теплое, захватывающее, приливъ молодого счастья и радости, разомъ закружившій ему голову.

— Кто вамъ, Долоресъ, сказалъ, что я уѣду къ себѣ?.. Я, дѣйствительно, оставляю Толедо скоро.. но... я слѣдую за вами въ Ронду...

Она серьезно и строго взглянула ему въ глаза

— Вы не обманываете меня?..

— Нѣтъ, Долоресъ, нѣтъ!

— Значитъ, тамъ, въ Рондѣ, мы и поговоримъ съ вами... А до тѣхъ поръ намъ нельзя видѣться...

— Нельзя... почему?

— Потому что первое время новіо разговариваютъ только въ присутствіи матери... Такіе обычаи у насъ, въ старой Рондѣ... Слышите... Значитъ, до свиданія къ Рондѣ...

— До свиданія!..

Андрео пошелъ въ свѣтъ и жаръ толедскихъ улицъ,

держась рукой за сердце, точно это была чаша, полная теперь безконечнаго счастья, которое онъ боялся расплескать... Онъ самъ себя улыбался, самъ съ собою говорилъ... Онъ чувствовалъ, что случилось нѣчто такое, отъ чего вся жизнь его разомъ получила смыслъ и значеніе. Между его вчера и сегодня прошла какая-то красная черта, и все, что было вчера, ушло въ потемки, а съ этого свѣтлаго чуднаго и счастливаго сегодня началась новая полоса жизни... «До свиданія въ Рондѣ», повторялъ онъ про себя... До свиданія въ Рондѣ... И какъ будто тысячи радостныхъ голосовъ пѣли въ его душѣ, какой-то одуряющій ароматъ подымался вокругъ, обвивалъ ему голову, сизымъ облакомъ клубился вверхъ и его уносилъ въ недосыгаемыя бездны молодого восторга. «До свиданія въ Рондѣ», эти ничего, повидимому, не значущія слова серебристыми колокольчиками звучали въ его ушахъ, пѣжкимъ, къ самому сердцу ласкающимся напѣвомъ тихихъ струнъ чаровали его, складывались въ безконечныя мелодіи, такъ что онъ и не замѣтилъ, какъ очутился передъ папертью собора...

— Ну, что?—встрѣтилъ его Пако...

Русскій точно съ небесъ упалъ на землю и съ удивленіемъ оглянулся. Казалось, вся эта дѣйствительность Толедской площади еще впервые является предъ нимъ во всемъ своемъ свѣтѣ и зноѣ.

— Ну, что, видѣли нашу Долоресъ?..

Долоресъ... Это имя опять унесло его подъ самое небо, и онъ уже едва слышалъ объясненіе стараго пищаго.

— О, наша Долоресъ — настоящая «андалузская стрѣла»... Она изъ стараго, храбраго рода... Всѣ парни его — сырые парни, всѣ женщины его виѣстѣ съ подвязками носятъ ножъ про всякій случай... Счастливъ будетъ тотъ, кто полюбитъ такую, и кого она полюбитъ. Только не дай ему Богъ измѣнить ей... Ея бабка зарѣзала своего тореро, а тетка и умерла въ Мелилѣ *), — потому что

*) Melila мѣсто на африканскомъ берегу, куда посылаютъ кагоржанковъ.

мужъ ея увязался за какою-то гитаной, и за это она его ткнула ножомъ въ самое сердце...

«Долоресъ», какое чудное имя, не слушая пищаго, думалъ русскій... «Долоресъ!.. Оно и звучитъ какъ какой-то нѣжный и въ то же время торжественный пафѣвъ»... И его вдругъ потянуло скорѣе прочь изъ Толедо, туда, къ этому городу надъ пропастью, къ голубымъ волнамъ Средиземнаго моря, къ пышному празднику Андалузіи, — гдѣ самая смерть казалась заманчивою и красивою.

II.

Нежданно негданно.

«До свиданія въ Рондѣ»!.. По это свиданіе пришло гораздо скорѣе, чѣмъ ожидалъ его «сеньоръ руссо»...

«Андрео», какъ называли его знакомые, жилъ въ старомъ полумавританскомъ домѣ, въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ древняго Толедо. Кругомъ были развалины, изъ которыхъ подымались, величаво и стройно, колонны, лишеныя своихъ капителей, и башни съ обвалившимися зубцами. Онъ самъ выбралъ эту глушь. Здѣсь давнее-сказочное ясіѣе и громче говорило его душѣ. Сегодняшняя былъ невольнo отходила назадъ передъ грандіозными призраками прошлаго; руины и старыя стѣны еще болѣе отодвигали будничную дѣйствительность куда-то далеко-далеко. Андрео даже не часто видѣлъ свою хозяйку, являвшуюся послѣднимъ осколкомъ нѣкогда славнаго и могучаго рода, а теперь скрывавшуюся въ своемъ дворцѣ, какъ ящерица въ щели ветхой башни. Она изрѣдка выползала въ большую залу палаццо, подслѣповатыми глазами смотрѣла на щиты съ гербами, которые съ такою честью носили ея предки, и съ тяжелымъ вздохомъ уходила опять въ какую-то отдаленную комнатку, гдѣ она отъ всѣхъ прятала свою нищету и свои воспоминанія. Въ этотъ вечеръ «амиго руссо» рѣшилъ остаться дома. Предъ нимъ слишкомъ ярко вставалъ чудный образъ

Долоресь, и ему хотѣлось быть съ нею наединѣ. Онъ дождался, когда луна серебристымъ мерцаніемъ окутала весь городъ, и отворилъ одинъ изъ уголковъ своего причудливою желѣзною рѣшеткой задѣланнаго мирадора... Внизу, въ прозрачномъ сумракѣ, обрисовывались широкія и громадныя вѣтви выращеннаго здѣсь банана, дальше, подъ трепетнымъ сіяніемъ луны, пропадали уже въ погемкахъ нѣжно благоухавшіе цвѣты...

Онъ очень любилъ этотъ садъ и днемъ зачастую оставался дома, чтобы насладиться его запущенною красотой, но теперь, вечеромъ, дворикъ стараго палаццо былъ еще задумчивѣе и поэтическою дремою охватывалъ русскаго. Онъ самъ не могъ бы дать себѣ отчета—сколько времени онъ оставался такъ, прислушиваясь къ тишинѣ ночи, вдыхая въ себя очаровательный ароматъ лилій, эту безмолвную молитву цвѣтовъ, какъ вдругъ близко, близко послышался рокотъ струнъ, и чей-то молодой и свѣжій голосъ запѣлъ незнакомую пѣсню. Очевидно, пѣвецъ былъ за стѣной, потому что каждый звукъ его гитары, каждое слово его импровизаціи доносилось сюда, живое и трепетавшее, какъ птичка... Андрео даже зажмурился, отдаваясь всей душой таинственной прелести этой нервной и радостной мелодіи... И какъ самая пѣснь была мила и близка ему! Казалось, что неизвѣстный, пѣвшій ее, также видитъ предъ собой Долоресь.

Какъ цвѣтъ весенній чистый, кроткій
Подъ листья прячется въ поляхъ.
Такъ за желѣзною рѣшеткой
Шалуныя кроется въ потѣмахъ.

Цвѣтъ полевой сорветъ прохожій,
Но берегитесь нашихъ дѣвъ:
Онѣ нѣжны, какъ ангелъ Божій,
Но и страшны, какъ Божій гнѣвъ..

— Да, именно, Долоресь!—вслухъ вырвалось у русскаго.—Именно вся она въ этой пѣснѣ!—И онъ вспомнилъ, какъ ея глаза вспыхивали то нѣжностью, то мстительнымъ пегодованіемъ, какъ на ея личикѣ отражались по-